

Глава 11

Ты станешь бессмертным, а я не останусь в мире смертных, чтобы ждать тебя (часть одиннадцатая)

— И это всё, что ты придумал?

Золотое солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, и в комнате, погружённой в сумерки, никто не зажёл огней.

Мужчина сидел за столом, черты его лица тонули в полумраке.

Перед ним стояла полупрозрачная золотистая фигура с расплывчатыми очертаниями. Силуэт торопливо пробормотал, моля о прощении:

— Ваше Превосходительство, умерьте гнев. Ваш покорный слуга не ожидал, что этот Цяо Пэй окажется таким бесстыдником. Мало того что занял чужое место, так ещё и...

Это была частица божественной души Сымина.

Цзинь Яо поднял руку, приказывая ему замолчать.

Собеседник тут же умолк.

Цзинь Яо задумчиво перебирал в пальцах амулет безопасности, его взгляд оставался холодным.

Он и не надеялся, что, явившись в своём прежнем облики, заставит Цяо Пэя добровольно отдать ему маленького глупца.

Но он согласился на план Сымина вовсе не ради этого.

На следующий день Цяо Пэй, как и обещал, вывел Чао Цы из дворца.

Столица государства Е на самом деле была бывшим главным городом провинции Шанхуа. Когда Цяо Пэй захватил её, он не причинил вреда жителям, поэтому город сохранился в целости. Дворец он тоже использовал как готовый. А вот главный город провинции Цзиньюнь во время штурма был разграблен и сожжён, от него почти ничего не осталось.

Поскольку это была столица, даже после недавней войны она не казалась слишком пустынной. Спутники отправились на оживлённый восточный рынок. Юноша накопил целую кучу диковинных безделушек, а увидев лавку с мячами для цуцзюй, приобрёл один, сказав, что хочет играть во дворце.

И вот Цяо Пэй, могущественный основатель империи, шёл рядом с Чао Цы, держа в руках мяч и кучу вещей.

— Ты всё ещё как ребёнок, — с улыбкой сказал император.

— А что плохого в том, чтобы быть как ребёнок? — Чао Цы широко распахнул миндалевидные глаза персикового цвета.

Внезапно он вспомнил о чём-то ещё.

— Ах да, нужно ещё купить лепёшки с сушёной сливой у «Су Цзи». Они такие вкусные, я о них уже несколько дней мечтаю!

— Почему же ты не попросил кого-нибудь купить их для тебя? — спросил Цяо Пэй.

— Если их принесут во дворец, они остынут и будут уже не такими вкусными. Хватит болтать, пойдём за лепёшками! — юноша развернулся и поманил спутника рукой.

Тот последовал за ним, смеясь:

— А ты шустрый. Не видишь, сколько всего я несу?

— Давай поделим пополам, лепёшки понесу я, — хлопнул себя по груди Чао Цы.

— ...И тебе не стыдно такое говорить, — потерял дар речи мужчина.

Возвращаясь от «Су Цзи», Чао Цы шёл, уплетая одну из огромных лепёшек.

— Куда ещё хочешь? — спросил его Цяо Пэй.

— Смотреть оперу! Говорят, недавно приехала очень хорошая группа! — взволнованно ответил юноша.

— Если тебе так нравится, почему бы мне не пригласить их во дворец? Смотрел бы, когда захочешь, — предложил император.

— Эх, какой же ты приземлённый, — презрительно фыркнул Чао Цы.

Цяо Пэй удивлённо поднял бровь.

— Оперу интересно смотреть только в толпе. Что за удовольствие сидеть вдвоём и слушать, как они там поют и причитают?

— Мудрые слова, господин Чао! — с деланным почтением похвалил его собеседник.

— Ещё бы! Во всём, что касается еды, питья и развлечений, я — номер один! — гордо заявил юноша.

— Только посмотрите на него.

— На самом деле, слушать оперу не так уж и интересно, поэтому важна атмосфера. Тебе бы стоило почаще устраивать в народе конкурсы красавиц, вот это было бы зрелище! — предложил Чао Цы.

Цяо Пэй, до этого весело препиравшийся с ним, услышав это, мгновенно помрачнел.

Он с трудом высвободил одну руку и ущипнул юношу за нежную, белую щёку.

— Даже не думай об этом. Впредь все весёлые дома и кварталы красных фонарей в государстве Е будут искоренены!

— Ну почему так! — надул губы Чао Цы.

Они как раз свернули в уединённый переулок, когда рядом с ними из тени возник страж.

С виду они гуляли вдвоём, но на самом деле в тени их сопровождало не менее сотни тайных стражей. Иначе Цяо Пэй не решился бы вывести юношу в город.

Увидев стража, император сказал Чао Цы:

— Подожди минутку.

Он шагнул вперёд, и страж, приблизившись, что-то зашептал ему на ухо.

Чао Цы ждал, как вдруг мир перед его глазами померк, и его словно затянуло в какой-то странный, тёмный угол.

Не успев понять, где он, юноша поднял голову и увидел перед собой высокого мужчину в белоснежных одеждах с иссиня-чёрными волосами.

Он вздрогнул от неожиданности.

Взгляд незнакомца был ужасен.

Цзинь Яо впервые познал, что такое ревность, что такое всепоглощающая мука, разъедающая душу.

Ничто в мире смертных не могло укрыться от Сымина, поэтому Верховное божество взяло его с собой. Сымин сказал, что сегодня Цяо Пэй выведет Чао Цы из дворца, и Цзинь Яо следовал за ними, выжидая подходящего момента, чтобы остаться с юношей наедине.

Но он не ожидал, что этот путь окажется таким.

Мужчина и раньше знал, что маленький глупец по натуре своей нежен и игрив. Рядом с ним он всегда без умолку щебетал, пытаясь придумать что-нибудь, чтобы его порадовать.

Но прежде Цзинь Яо не обращал на это внимания, оставаясь к нему холодным и лишь изредка одаривая мимолётным взглядом.

А юноша, получив даже такой безразличный ответ, радовался так, словно обрёл величайшую награду. На его щеках появлялись ямочки, а глаза сияли.

Раньше Цзинь Яо не видел в этом ничего особенного.

Но теперь, когда вся эта нежность и наивность были обращены к другому, он познал боль, словно у него вырвали половину сердца.

Он видел, как этот смертный смеялся и препирался с ним, в их жестах и взглядах сквозила неприкрытая близость. Видел, как Цяо Пэй ущипнул юношу за щеку, а тот даже не рассердился, лишь весело продолжал острить.

Любой, кто увидел бы их, не ошибся бы в их отношениях.

Цзинь Яо смотрел, и его глаза из чёрных стали золотыми, а затем налились кровью.

Да кто такой этот Цяо Пэй? Всего лишь самозванец, занявший чужое место, пока его не было.

Достоин ли он?

— Ты кто такой?

Голос Чао Цы вырвал его из мрачных мыслей.

Цзинь Яо опустил взгляд на своего маленького глупца. Впервые тот смотрел на него таким чужим взглядом.

Даже при их первой встрече юноша влюбился в него с первого взгляда. С тех пор он всегда следовал за ним, не сводя восторженного, влюблённого взора.

Но сейчас в его глазах были лишь настороженность и отчуждение.

— Это ты меня сюда притащил? — осторожно, но бдительно спросил Чао Цы. — Я только что был с... моим спутником, как ты вдруг затащил меня сюда?

Где это «здесь»?

Цзинь Яо проигнорировал последний вопрос и прямо ответил:

— Я — Цзинь Яо.

Чао Цы удивлённо моргнул.

«Цзинь Яо... Такое знакомое имя».

Но на сердце у него была не радость, а невероятно сложное чувство... похожее на печаль, на ненависть.

Юноша быстро подавил это чувство. Оно было слишком беспричинным. Не мог же этот человек быть его врагом?

Но и на вражду это чувство было не похоже... так странно.

— Кажется, я слышал это имя, но не могу вспомнить, — сказал Чао Цы. — Мы раньше встречались?

— Ты — мой супруг, а я — твой, — спокойно произнёс Цзинь Яо, глядя на ошеломлённое лицо юноши. — Мы поженились три года назад.

— Что?!

Чао Цы застыл в изумлении.

— Невозможно, я тебя совсем не помню! — выпалил он.

«Конечно, не помнишь. Это я стёр твою память».

Сердце пронзила острая боль, но лицо его оставалось невозмутимым.

— Полгода назад из-за несчастного случая ты потерял память, и нас разлучили.

— Мы действительно были женаты. Это ты подарил мне в день нашей свадьбы, — говоря это, Цзинь Яо достал нефритовую подвеску.

Чао Цы широко раскрыл глаза.

— Это... как она у тебя оказалась?!

Эту подвеску ему оставила мать. У него и у его старшего брата было по одной.

До десяти лет её хранил Чао Цзюэ. А потом отдал её брату, сказав, что это подарок матери, и если тот встретит девушку, которая придётся ему по сердцу, он должен будет подарить ей эту вещь.

Позже, перед свадьбой, Чао Цы отдал её Цзинь Яо.

Когда пала провинция Цзиньюнь, Цзинь Яо не взял подвеску с собой. Она оказалась у него в руках лишь потому, что, вернувшись в мир смертных, он отправился в родные места и нашёл её в руинах поместья Чао.

К счастью, её никто не украл.

Чао Цы смотрел на подвеску, и сомнения одолевали его всё сильнее. Раньше он очень дорожил ею, но, кажется, именно три года назад она словно испарилась из его памяти. Смутно помнилось, что он отдал её кому-то. А потом, должно быть, потерял во время падения провинции.

— Ты, наверное, нашёл эту подвеску и теперь хочешь меня шантажировать? — Чао Цы вызывающе вскинул бровь, стараясь выглядеть грозно.

— Вовсе нет, — ответил Цзинь Яо. — Я знаю, что ты втайне выращивал призрачную орхидею.

— И это ты знаешь?! — изумился юноша.

Он действительно втайне выращивал призрачную орхидею. Она была очень капризной и легко погибала, а уход за ней стоил огромных денег, поэтому он никому не говорил, боясь, что отец обвинит его в расточительстве.

— Ты выращивал её, чтобы подарить мне, — сказал Цзинь Яо.

— Под кроватью у тебя был тайник, где ты хранил сбережения. Когда твой брат отправился в поход, отец рассказал тебе о тяжёлом положении, и ты, почувствовав опасность, начал копить деньги на чёрный день.

— Чёрт...

— Я знаю об этом, потому что ты тогда сказал мне не бояться, ведь даже если что-то случится, ты сможешь меня прокормить, — при этих словах Цзинь Яо невольно улыбнулся, и его доселе бесстрастное лицо потеплело.

— Я и такое говорил? — опешил Чао Цы. — Я помню только, что прятал деньги, а потом их отняли разбойники.

Выслушав столько подробностей, он вдруг понял, что с его памятью действительно что-то не так, что-то очень странное.

<http://bllate.org/book/15361/1372902>